

Осипова Татьяна

ВОЛШЕБНЫЕ ДАРЫ
сборник сказок

Татьяна Осипова

Волшебные дары. Сборник сказок

«Издательские решения»

Осипова Т.

Волшебные дары. Сборник сказок / Т. Осипова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741024-7

Фантастический мир сказок для взрослых и детей распахнет свои двери, погружая в сказочный мир фэнтези. Сказки в русской и европейской стилизации, где добро всегда побеждает зло.

ISBN 978-5-44-741024-7

© Осипова Т.
© Издательские решения

Содержание

Волшебные дары	6
Звените бубенчики на моем колпаке	14
Золото не мера для счастья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Волшебные дары Сборник сказок

Татьяна Осипова

Дизайнер обложки Сергей Осипов

Иллюстратор Татьяна Осипова

© Татьяна Осипова, 2017

© Сергей Осипов, дизайн обложки, 2017

© Татьяна Осипова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-1024-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волшебные дары

Зима в этом году выдалась суровая и холодная, снегом засыпало почти все окраины города. Только в центре, у ратуши, дворники еще кое-как справлялись с холодными капризами зимы: снег укрыл снежным покрывалом крыши домов, задержался, прилипнув мерзлой коркой на водосточных трубах, пригrelся шапкой на уличных фонарях.

В это время особенно трудно приходилось детскому приюту на окраине города, тепла не хватало, дров выделялось совсем мало, и директриса, мадам Огри, экономила, как могла. Каждое утро дети выходили в город, звеня железными кружками, собирая милостыню, чтобы хоть как-то прокормить себя. Некоторые мальчишки научились даже шарить по карманам, но это очень не нравилось мадам Огри. Воришек привозила полиция после нескольких часов тюрьмы, и мадам приходилось поручаться за каждого, а в приюте их ждало жесткое наказание, их лишали еды и питья и всю ночь они должны были отмаливать свои воровские прегрешения в маленькой часовенке при детском приюте.

Сиротка Мари появилась у порога приюта одиннадцать лет назад, завернутая в роскошное теплое одеяльце, а чудесный кружевной чепчик, на крошечной головке, делал ее похожей на маленькую принцессу. Все тогда удивились ее появлению. Как такие богатые люди могли оставить малышку на произвол судьбы. Жизнь в приюте была не сахарной, об этом знали все жители городка не понаслышке.

Особенно туго становилось зимой, когда все приютские мальчишки и девочки собирались на торговой площади, прося подавание.

Все очень любили сиротку Мари, так как она была очень заботливой и хорошей девочкой с добрым сердцем. Она всегда старалась помочь и младшим, и старшим, не гнушаясь никакой тяжелой работой. У нее было много друзей, и Мари старалась каждому облегчить несладкую жизнь детского приюта.

Прохожие внимательно следили за своими карманами, но часто подавали девочке с грустными васильковыми глазами, которая так замечательно пела. Когда стало совсем холодно,

Мари перестала петь. У нее начинало болеть горло, и она просто тихо стояла, переминаясь с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть окончательно.

В один из снежных дней, когда народу на торговой площади было больше обычного, Мари надеялась заработать, и как можно быстрее вернуться в приют. Прохожие не скупились, и к вечеру у нее была полная кружка монет.

Внезапно она услышала, как кто-то позади нее спрыгнул с крыши прямо в сугроб. Мари испуганно обернулась и укоризненно покачала головой, встретившись глазами со своим другом Ивом.

– Привет, Мари, – он быстро поднялся, стряхивая, с мешковатых, явно не по его размеру штанов, снег.

Шапка, похожая на колпак, сползла прямо на брови. Он невозмутимо вытащил из кармана большой леденец на палочке и протянул ей.

– Ив, что ты здесь делаешь? – спросила его Мари, – напугал меня, озорник!

– Вот держи, – он протянул ей теплые рукавички, совсем новые, с красивыми красными помпончиками. Мари непонимающе посмотрела на друга и, покачав головой, сказала, что ни за что не возьмет.

– Мари, я купил их, не украл, – пробормотал Ив, понимая о чем подумала сиротка Мари, с некоторых пор именно так промышляли старшие ребята, и Ива не раз задерживала городская полиция. Однако, Мари понимала, что он это делал только для того, чтобы помочь ей и остальным малышам приюта, хотя все могло очень плохо закончиться. – Быстро одевай, а то так недолго и заболеть, – он посмотрел на ее маленькие, покрасневшие от холода пальчики, и взяв ее ручки в свои ладони, подышал на них, выпуская белый пар – сейчас немного согреешься. Мари ласково посмотрела на Ива, он был больше, чем просто друг, за все эти годы они очень привязались друг к другу и были как брат и сестра.

– Ив, я слышала, что этим летом, ты уже покинешь приют?

– Даже раньше, Мари, – он помог ей надеть теплые рукавички, – хочу убраться из приюта, как только станет теплее, надеюсь, в этом году весна не заставит себя долго ждать.

– Ив, а ты вернешься? – спросила Мари, посмотрев на него своими недетскими глазами, в которых было столько вопросов и тревоги, что могут быть только у взрослого человека, но никак не у одиннадцатилетней девочки.

– Конечно, малышка, – он потрепал ее по щеке, – обязательно, как только устроюсь и немного встану на ноги, заберу и тебя, и Люси, и даже эту невыносимую болтушку Фэй. – Он обнял сиротку, прижимая к сердцу, и тихо добавил, – и будем мы жить весело и счастливо.

– Я буду скучать по тебе, Ив, – она тепло улыбнулась ему, – мы все будем скучать.

– Скоро стемнеет, жди меня здесь, я скоро вернусь, Мари. И мы вместе с Люси и Фэй пойдем домой.

– Хорошо, Ив, – Мари поправила его колючий длинный шарф небрежно намотанный на шею. «Ах, эти мальчишки, они совсем не думают, что нужно теплее одеваться», —

подумала она и, помахав удаляющемуся другу, посмотрела на свои ручки в красных рукавичках. «Они прекрасны», – подумала Мари, разглядывая подарок Ива.

Монетки все еще падали в ее кружку, пока не случилось непредвиденное.словно вихрь на нее налетел мальчишка возраста Ива и, криво усмехнувшись, вырвал из рук кружку с монетами. Мари попыталась остановить его, но он нахально рассмеялся и, толкнул ее в снег, высыпав все содержимое себе в карман. Запустив в девочку пустой посудинкой, он выкрикнул:

– Нищенка, убирайся отсюда!

Мари сидела на снегу, ничего не понимая, вспоминая первые дни, когда ей пришлось приходить на торговую площадь и свой стыд, перед тем, как впервые протянуть руку для милостыни. Потом ей было холодно и так хотелось есть, но последний кусочек черствого хлеба она всегда сберегала на вечер, чтобы разделить его с Люси, девочке почему-то неохотно пода-

вали и у в ее кружке часто было мало монет. Слишком мало, чтобы можно было расплатиться за ужин в приюте.

А потом, спустя несколько лет, сиротке Мари было все равно.

Ей хотелось только одного, поскорее вернуться в приют, где было все-таки теплее, чем на заснеженных улицах города, получить свою тарелку горячей похлебки и поскорее отправиться с девочками в спальню, где можно было закутаться в одеяло и болтать о всяких разных вещах. Что могло еще так порадовать сиротку Мари.

Они любили мечтать, особенно Фэй, она выдумала, что приходится дочерью иностранному послу, похищенная пиратами. Даже Люси мечтала о том, что когда-нибудь она отправится на большом корабле с белоснежными парусами в путешествие. А капитан этого корабля, прекрасный принц, влюбится в нее, забыв, что она сиротка из приюта.

Мадам Огри сама совершала обход по комнатам, и тогда девичий смех прекращался, никто не хотел всю ночь простоять в темном углу ее кабинета при свете одинокой свечи. Сердце Мари сжималось от страха, когда ветви деревьев стучали в окно, а шорох лапок мерзких крыс, скребущихся на кухне, становился таким явным, что был просто невыносим. Мари как-то простояла так всю ночь, пока не упала, потеряв сознание.

Управляющий – господин Ошер, сжалившись над бедняжкой, отнес ее в комнату для прислуги, где девочка проспала в теплой кровати до самого утра. Ему всегда не нравились методы директрисы, но все в приюте подчинялись ее правилам.

Мари сжалась вся словно маленький комочек и чувствовала, как ей трудно раскрыть глаза. Сон ледяным покрывалом окутывал ее, убаюкивал и нашептывал на ухо что-то такое, отчего девочке совершенно не хотелось подниматься. Ее внутренний голос бил в колокола, и кричал, что она не должна спать. Можно сильно простудиться и никогда не проснуться.

Начиналась метель. Но никто не искал сиротку Мари, ни Ив, ни Люси с Фэй, никто не пришел к тому месту, где стояла девочка с кружкой, прося подаяние. Мари не думала об этом, все стало пустым и безликим, ей хотелось только одного – спать.

Она очнулась от горячего дыхания, чей-то мокрый нос коснулся ее щеки. Когда Мари открыла глаза, то увидела рядом с собой белую собаку с голубыми глазами, а еще очень красивую женщину в белых одеждах

– Вы ангел? – тихо прошептала она одними губами.

– Нет, конечно, – улыбнулась женщина, протягивая руки, – тебе нельзя спать, на улице так холодно, что можно и не проснуться. Давай, я помогу тебе подняться.

Женщина помогла встать Мари и отряхнула ее пальто и платок от снега.

– А кто вы? – Мари только сейчас поняла, что темная ночь раскинулась над городом, усыпав небосклон яркими звездами. Это было так красиво, что на мгновение Мари застыла, вглядываясь в мерцающее звездами небо.

– Ты не узнала меня, Мари? – улыбнулась женщина, вернув девочку в реальность, – я Зима, Королева снежинок, и всегда, перед Новым годом, опускаюсь на землю.

– Но разве так бывает? – Мари все еще не верила в происходящее, – и почему мне сейчас совсем не холодно.

– Тебе холодно, Мари, просто ты позабыла об этом, – улыбнулся Зима, – к сожалению, моя собака повредила лапу и к счастью для тебя мои сани остановились именно здесь.

– А что с вашей собакой? – спросила Мари, глядя на белых пушистых псов, запряженных в сани.

У них была искрящаяся шелковистая шерсть, и все они смотрели на девочку своими умными голубыми глазами.

– Никогда не видела собак с голубыми глазами, – улыбнулась Мари, Зима ответила, что никто из простых людей не видит ее сани, а гончих псов тем более.

– Ты знаешь, Мари, на небе есть созвездие Гончих псов, – Зима показала своей рукой в белой перчатке на яркое звездное небо. – Я забрала их именно оттуда, и они с радостью согласились впрячься в мои сани.

Мари подошла к большой собаке, которая стояла первой в упряжке и нежно погладила ее за ухом, отчего та завиляла хвостом и протянула Мари лапу. Девочка, обернувшись, посмотрела на Королеву снежинок, и та, ласково улыбнувшись, кивнула ей. Мари не задавалась вопросом, что происходит и почему именно с ней, куда подевались ее друзья, и почему возле нее на торговой площади приземлились сани Зимы. Она внимательно осмотрела лапу собаки, которая была покрыта густой прегустой шерстью, однако, ей удалось увидеть что-то блестящее, причиняющее боль животному.

– Я вижу, – она посмотрела на Королеву, – у вашей собаки в лапе что-то есть, сейчас постараюсь вытащить.

Потерпи немного, – обратилась она к собаке, которая к ее удивлению кивнула, дав понять, что справится с такой малостью. Еще немного и вскоре в руках Мари оказался крупный металлический, похожий на тупую иглу, обломок.

– Это луч звезды, – улыбнулась, Зима, протягивая его Мари, – теперь с моей поездкой будет все замечательно. А это можешь взять себе на память. Я так долго ехала, не найдется ли у тебя кусочка хлеба, чтобы немного пополнить силы моим звездным псам.

– Конечно, – согласилась, Мари, сунув руку в карман, – я всегда оставляю кусочек на вечер, мои подружки, часто съедают все, что припасли с утра, а потом, когда проголодаются, у них лишь крошки в пустых карманах. Когда мы встречаемся вечером и идем в приют, я делю этот кусочек на нас троих, так гораздо легче дожидаться ужина.

– Я вижу, ты добрая девочка, – Королева взяла из рук сиротки Мари кусочек хлеба, и на ее глазах он стал расти, пока не превратился в большую сдобную булку.

– Вот это чудо! – искренне восхитилась Мари.

– Чудо – когда встречаешь открытую душу и доброту в людях, которые даже в минуты отчаяния делятся последним. Это не каждому дано, Мари.

Мари с удовольствием разломилла пышный хлеб и начала кормить звездных собак прямо из рук. Они смешно фыркали и, чавкая, роняли крошки на утоптаный снег. Зима смотрела на улыбающуюся девочку, щечки которой порозовели, а в глазах играл озорной огонек.

– Спасибо, милое дитя, – Королева снежинок погладила Мари по щеке, – проси, что захочешь, я выполню любое твое желание.

– Но, я не знаю что просить, – при слове «просить» Мари вспомнила о мальчишке, который отнял у нее деньги, и она добавила, – я хотела бы знать, что произошло и почему Ив и девочки не пришли сюда, может, вы знаете? А потом... просто отвезите меня в приют.

Королева помогла сесть Мари в сани, и когда собаки побежали вперед, полозья легко заскользили по снегу.

– Когда мальчишка забрал деньги и толкнул тебя, ты упала и ударилась головой, поэтому тебе показалось, что так быстро пролетело время. Ив шел к тебе вместе с Люси и Фэй, и, увидев что произошло, бросился за воров.

Началась драка, Фэй стала кричать, прибежали полицейские и всех забрали в участок. Именно поэтому никто не пришел за тобой. Они очень переживают, что не смогли прийти на помощь, особенно Ив, он винит себя в том, что позволил тебе стоять с кучей монет совершенно одной.

Королева говорила, говорила, но Мари уже плохо слышала ее, веки стали тяжелыми, и она погрузилась в сон.

– Так что же мне для тебя сделать, дитя? – еще раз спросила Зима, услышав, как девочка прошептала во сне слово «мама», имя женщины, которую никогда не знала и не помнила, но так мечтала обрести.

Когда Мари открыла глаза, то поняла, что находится у себя в комнате. Ее накрыли несколькими одеялами, а возле кровати сидел и немного дремал, как старый кот господин Ошер.

– Господин Ошер, – прошептала Мари, но он не услышал ее. Пламя свечи дернулось, словно кто-то невидимый прошел рядом. Мари закрыла глаза и почувствовала в руке что-то холодное. Она вытащила руку из-под одеяла и увидела осколок звезды. Улыбаясь, она спрятала его под подушку, все еще не веря, что произошедшее не удивительный сон.

На следующее утро сиротка Мари узнала, что ее нашли на ступенях около двери приюта. Кто-то заботливо укутал ее одеялом, искусно сшитым из звериных шкур, наверняка, сжалилась какая-то богатая особа, решила директриса Огри. В ту ночь разыгралась сильная метель, и все удивились, что Мари не заболела, столько времени пролежавшая на холоде. Вскоре в приют вернулись Ив с девочками, и они тут же бросились к ней с распросами.

Когда Мари поведала им о случившемся, то Фэй, не поверив, махнула рукой, но как у них загорелись глаза, когда Мари показала им осколок звезды.

– И что с ним можно делать? – спросила Люси.

– А может это просто железяка? – предположил Ив. Мари пожалала плечами и, закрыв глаза, представила, что она настоящая волшебница и, взмахнула рукой, веря, что сейчас здесь на столе появятся настоящие булочки с кремом, что едят только принцессы, горячее какао и печенье с марципаном.

Восторженные возгласы, заставили ее раскрыть глаза. И каково же было ее удивление, когда она это увидела собственными глазами.

На старом обшарпанном столе красовались блюда с пирожными и печеньем, а из носика белоснежного кофейника приятно пахло горячим какао.

– Мари, это настоящее чудо! – воскликнул Ив, пробуя на вкус печенье с марципаном, – никогда не ел ничего подобного.

– Как вкусно! – Люси облизала палец, обмакнув его в крем.

Теперь дети приюта были сыты и довольны, однако, мадам Огри ничего не могла понять, почему ее «чудесные» обеды, больше не доедаются до дна и тарелки не вылизываются, как бывало раньше.

Когда она увидела, как сиротка Мари творит чудеса, то сначала обомлела от увиденного, а потом потребовала, чтобы в ее приюте Мари не устанавливала свои порядки.

– Но, мадам Огри, все дети будут сыты и получают то, что захотят... они не будут голодать!

– Прекрати это немедленно!!! – закричала, бледнея от гнева мадам Огри. Она подскочила к сиротке Мари и попыталась выхватить у нее то, что так осчастливило детей приюта. Девочка с визгом отскочила от директрисы, не понимая и испугавшись ее странной реакции.

Директриса кинулась за ней, опрокинув торт и, споткнувшись, растянулась на полу, упав на то что только что было чудесным тортом. Ее лицо исказила гримаса ненависти, и мадам Огри закричала в негодовании.

– Ах ты, мерзкая девчонка!!!

– Мадам Огри! – на шум прибежали господин Ошер и кухарка Аннет, они растерянно посмотрели по сторонам на это сладкое изобилие, пока не увидели распластавшуюся на полу мадам Огри.

– Может, кто-нибудь поможет мне! – рявкнула она, и господин Ошер быстро кинулся на помощь. Поднявшись, директриса яростно сверкнула глазами и, подойдя к Мари, ударила ее по щеке, а потом резко вырвала из рук девочки «волшебную палочку», порезав ей пальцы.

Мари обескуражено прижала руку к пылающей щеке, слезы обиды и отчаяния покатались из васильковых глаз. Кровь закапала с порезанных пальцев девочки, и господин Ошер укоризненно взглянув на мадам Огри, приказал Аннет перевязать Мари руку.

– Я не могу понять вас, мадам, – начал господин Ошер, – зачем вы так поступили с Мари, она же просто ангел...

– Ангел?! – сверкнув глазами, мадам Огри продолжила очищать подол платья от остатков крема, – как же я ее ненавижу!

– Но у ненависти должна быть причина?

– А это уже не ваше дело, господин Ошер.

Мадам Огри зашла в свою комнату и, прислонившись к стене, закрыла глаза. В ее памяти пронеслись воспоминания прошлых лет, когда ее муж участвовал в коварном заговоре против короля и тайно, вместе с сообщниками, выкрал дочь королевы. Заговор раскрыли, а мужа, как и остальных соучастников, отправили на каторгу. Через несколько дней после решения суда, на пороге приюта оказалась незнакомка, передавшая письмо, в котором муж поведал ей обо всем. Еще пару дней назад она и не догадывалась, что в ее руки попадет маленькая принцесса. Ну, а потом, спустя несколько месяцев, он заболел чахоткой и скоропостижно скончался. Мадам Огри его больше никогда не видела и не знала, где находится его могила.

Боль утраты поселилась в ее душе. Имея столько брошенных и обездоленных детей рядом, она знала, что уже никогда не сможет иметь собственного ребенка от горячо-любимого, но умершего мужа.

Злоба и ненависть затаились в ее сердце, и с каждым годом, смотря на сиротку Мари, мадам Огри видела в ней свою несчастливую судьбу, обвиняя во всем девочку. Хотя, в чем была вина Мари, мадам Огри не могла ответить. Ее жизнь была соткана из противоречий, а чернота мыслей полностью захватила ее душу.

Сиротка Мари долго не могла уснуть, она плакала и плакала, и маленькое бедное сердечко разрывалось от такой несправедливости и боли. Так она и уснула. Тревога была ей подушкой, печаль и отчаяние одеялом. Темные тени от свечей бродили по стенам, Люси и Фэй не шутили, не рассказывали сказки, как прежде. Теперь казалось, сказки закончились навсегда.

Утром, когда Мари не поднялась с кровати, Люси обеспокоенно потрясла ее за плечо, однако, девочка не открывала глаза.

– Фэй! – закричала Люси, – позови быстро господина Ошера, – с Мари что-то случилось, она вся горит!!!

Господин Ошер не заставил себя долго ждать и вскоре лично отправился в город за доктором, оставив Мари на попечение кухарки Аннет. Люси и Фэй были напуганы и со страхом смотрели, как Аннет протирает лоб Мари уксусом.

– Почему у нее такие холодные руки? – спросила Фэй

– Аннет, а Мари проснется? – вторила подруге Люси.

– Все будет хорошо, девочки, – кухарка пыталась успокоить малышей, – это, наверное, простуда, и скоро господин Ошер привезет доктора.

Когда доктор осмотрел Мари, то сообщил, что у нее лихорадка и ей нужен особый уход.

– Напишите, какие нужны лекарства, – попросил господин Ошер, – я займусь ее лечением.

Мари снилось, что она бежит по зеленому лугу, а впереди белоснежные облака. Она высоко подпрыгивала и порхала, словно бабочка, поднимаясь все выше. «Это, наверное, и есть рай», – думала она, ощущая приближение чего-то светлого и прекрасного. На какое-то мгновение ей показалось, что кто-то зовет ее по имени. Мари остановила свой полет и медленно опустилась вниз, чувствуя какая мягкая трава.

– Как ты думаешь, ей стало лучше? – спросил Ив Люси, глядя на спящую Мари.

– Конечно, если господин Ошер куда-то уехал и оставил ее на Аннет.

– Уехал? – Ив непонимающе приподнял брови, – надолго?

– Сказал, что через пару дней вернется и вообще, после всего случившегося, – Люси погладила Мари по волосам, – он как-то странно вел себя, так заботился о Мари, словно... что-то должно произойти...

– Да, что-то странно все это, – согласился Ив.

Прошло несколько дней с отъезда господина Ошера и благодаря лекарствам и уходу Аннет, Мари стало лучше, жар спал, и вскоре она почувствовала себя гораздо лучше. Однако, сиротке еще не разрешали вставать с постели, так как она была все еще слаба после лихорадки.

Этим утром Мари проснулась от голосов в комнате и яркого солнечного света, она натянула на себя одеяло и посмотрела через щелочку на незнакомцев. В комнате была очень красивая дама с девочкой возраста Мари, на которой была очаровательная белоснежная шубка. «Как у Королевы снежинок», – подумала Мари.

Когда девочка повернулась, Мари бросило в холодный пот, на нее смотрело Ее лицо. Те же васильковые глаза, те же каштановые кудряшки, выглядывающие из-под шапочки, и знакомый голос прозвенел совсем рядом.

– Мама, посмотри, она проснулась!!!

Мари, откинув одеяло, села в кровати, с опаской и любопытством посмотрев на мадам, которая разговаривала с господином Ошером. «Господин Ошер вернулся», – обрадовалась Мари, теперь она сможет поблагодарить его за заботу. Женщина, посмотрев на сиротку Мари, прижала ладони к губам и, казалось, сейчас расплечется. Мари не хотела этого и поэтому первая подскочила к ней и, взяв за руку, попросила, чтобы она ни в коем случае не плакала.

– Меня зовут Мари, – она с любопытством посмотрела на девочку, стоящую рядом с мадам. – Может, вы расскажете, что случилось?

Женщина, не говоря ни слова, опустилась на колени перед Мари, покрывая ее поцелуями, и трепетно прижала к своей груди со словами:

– Наконец-то я нашла тебя, доченька! – Мари непонимающе смотрела на женщину, хлопая длинными ресницами.

– Мари, ну какая же ты глупая! – рассмеялась Фэй, – посмотри, ведь твоя мама настоящая королева!

– Мама? – Мари не могла поверить своим ушам.

– Дай я обниму тебя, сестренка, – прошептала девочка так похожая на Мари.

Сердце девочки забило как у птички. Теперь она ощутила, что такое счастье и не понимала, что с ним делать. Все еще не веря в происходящее, она расцеловала мать и сестру, чувствуя, как слезы перехватывают дыхание.

Несколько месяцев назад господин Ошер был в столице и имел честь оказаться совсем рядом с королевской четой на празднике. Его удивило необычайное сходство сиротки Мари и принцессы Жаннетт. А потом еще эта история с похищением дочери королевы, которая произошла именно одиннадцать лет назад. Сопоставив все факты, Ошер решил докопаться до истины, а последние события полностью подтвердили его догадки.

Королева приехала сама, чтобы удостовериться в словах управляющего приютом, и узнала мадам Ошер, которая была женой одного из заговорщиков. Она присутствовала на судебном процессе и отлично помнила эту несчастную, заламывающую руки и отправлявшую проклятья в адрес королевского двора.

Мари отправилась во дворец, не забыв про Люси и Фэй. Ив отказался от таких почестей, но пообещал приезжать в гости.

Мадам Огри отстранили от управления приютом. В скором времени она переехала жить на ферму к своей двоюродной сестре, а господин Ошер занялся обустройством сиротской обители.

Жизнь налаживалась, и новый директор знал, что холодными зимними днями, когда вокруг завывает белая мгла, его дети не будут стоять на морозе с железными кружками и слушать звон монет подаяния.

* * *

Однажды Мари приснился сон, она увидела Королеву снежинок, которая собиралась к созвездию Гончих псов. Приближалась весна, и пришла пора отправляться в путь.

– Теперь ты счастлива, Мари? – ласково спросила Зима.

– Спасибо, я никогда не забуду вашей доброты! – улыбнулась в ответ маленькая принцесса.

– Спасибо людям, у которых есть доброе сердце, – ответила Зима, поцеловав ее.

Мари показалось, что у нее удивительные теплые, как у мамы губы, хоть она и Королева снежинок. «Значит», – подумала девочка: «И у Снежной королевы есть сердце»!

Звоните бубенчики на моем колпаке

*В нем есть мозги, чтоб корчить дурака;
А это дело требует смекалки:
Он должен точно знать, над кем он шутит,
Уметь расценивать людей и время
И, словно дикий сокол, бить с налета
По всякой встречной птице. Ремесло
Не легче, чем занятъя здравоумных.
Есть мудрый смысл в дурачестве таком,
А умный часто ходит дураком*

В. Шекспир

Солнце опускалось за поросшую густым лесом гору, окрашивая сначала золотыми, потом багровыми красками облака.

Музыкант смотрел в раскрытое окно, а его тонкие пальцы нежно касались струн лютни. Приятный теплый ветерок трепал длинные волосы, а бубенчики на колпаке мелодично звенели.

Бубенчик звенит на моем колпаке,
И пальцы касаются струн,
А счастье голубкой воркует в руке,
Ты веришь гадателю рун

Сегодня весело, улыбнулся своим мыслям королевский шут. Он вспомнил спор со старым Уэльским королем, которому ясно дал понять какого мнения о нем Ирландский двор.

Ардан тронул струны, и нежная прекрасная музыка полилась из-под его пальцев, он тихо напевал, помня, что король отправился в Кардиф. В столице Уэльса его ждала племянница короля Хергеста, прекрасная Гвендолен.

Сегодня, в покоях короля Лабрайдана, слушали музыку шута лишь серые мыши, да пауки, плетущие сети в углах высоких закопченных потолков.

Много тайн хранила эта голова под шутовским колпаком с бубенчиками. Ардан знал, что шутлом он был, им и умрет. У него имелись кров, еда, постель, и даже красотки не прочь были заглянуть к нему в гости, не только послушать игру на лютне. Однако, темными вечерами, когда одиночество все сильнее начинало стучаться в сердце Ардана, он чувствовал себя таким несчастным. Часто вспоминая свою бедную матушку, которая так рано оставила его, он горестно вздыхал, вспоминая ее теплые трудолюбивые руки. Ардан знал, что королева, пожалевшись над маленьким мальчиком, (сыном судомойки), позволила ему жить во дворце. Тем более, маленький принц и сирота Ардан были почти, ровесниками, а юному Лабрайдану нужен был приятель, с кем он мог разделить все радости и беды. А кто лучше не поймет короля, как его верный шут.

У шута не было выбора. Теперь, он не мог покинуть дворец без разрешения короля.

Раньше Ардан был для него любимой игрушкой, потом стал верным слугой, не переставая надеяться, что, когда-нибудь, Лабрайдан подарит ему свободу!

Гвендолен он видел всего лишь однажды. Это была красивая девушка с темными вьющимися волосами, которые на солнце играли медью, а голубые глаза, словно озера с чистой водой цвета неба, восхищали всех. Ее нежная кожа и родинка над верхней губой так прекрасны, шут

все бы отдал, чтобы сорвать с ее манящих губ поцелуй. Тем не менее, он понимал, что все останется только мечтами. Даже если прекрасная Гвендолен обратит на него внимание, он никогда не предаст короля. Верность и преданность он впитал с самого детства, когда они были еще так малы, что их шуточные бои на палках напоминали сражение воробьев в придорожной пыли.

Ардан заснул уже глубокой ночью, разные мысли беспокоили его душу и горячее сердце. Он размышлял о своей жизни, а это не лучший способ поскорее уснуть. И вот, ранним утром, его разбудили звуки труб, оповещающих жителей города о приезде короля Лайбрайдана со своей невестой.

Шут быстро вскочил с постели и, полив на руки из кувшина, умылся. Резво спустившись по лестнице, он вышел навстречу королю, пританцовывая и кривляясь, изображая дурачка. Гвендолен, прикрыв ладошкой хорошенький ротик, весело смеялась, а Лабрайдан, бросив шуту монету, приказал ему следовать за ними в тронный зал.

– Я хочу, чтобы ты сыграл нам, шут, – улыбнулся он Ардану, – а свои веселые пляски оставь на вечер, когда у нас соберется вся знать. – Рассмеявшись, он подкинул еще «золотой». Шут, перевернувшись, словно ученая обезьянка, подхватил монету и склонил голову в поклоне.

– Идемте, король, – Гвендолен нетерпеливо потянула Лабрайдана за руку, – я так устала с дороги, что земля под ногами качается до сих пор.

– Это после долгого плавания принцесса, – улыбаясь, поклонился хранитель главной печати господин Морк, – скоро все пройдет, и вы будете легки на сегодняшнем балу, как молодая лань.

Вечером Король и Гвендолен важно проследовали в тронный зал, а их свита и придворные склонились в низжайшем поклоне, приветствуя своих господ.

Восхитительный стол поражал изобилием и изысканностью. Король, устроившись поудобнее, хлопнул в ладоши, а музыканты начали играть веселую музыку. Здесь были и бароны с баронессами, и князья соседних государств, графы и графини, и, даже персидский царь со своим наложницами. Поздравляя короля и юную Гвендолен, они поднимали золотые кубки с чудесным вином, и желали всяческих благ и процветания королевству. Ардан не сводил глаз с прекрасной принцессы, и только когда она смотрела в его сторону, быстро отводил взгляд, чтобы она не подумала ничего дурного.

Когда пир закончился, и гости устали от танцев, король приказал Ардану сыграть на лютне.

– Спой песню о прекрасных девах-лебедях, которые купаются в пруду, сбросив перья! – крикнул король. Шут взял в руки лютню и начал играть. Его пальцы перебирали струны, рождала чудесные звуки, а волшебный голос заставлял замирать сердца.

Гвендолен смотрела на короля, который губами повторял слова песни, слышимой видимо не раз и снова посмотрела на шута, не похожего теперь на дурака. Их глаза встретились, и ее словно поразило стрелой в самое сердце.

Он пел для Гвендолен, только для нее, поняв это, принцесса опустила глаза, и ее щеки покрылись румянцем.

Тебя как раскрытую книгу прочтет,
Советы подарит мудрец,
Но жизнь золотой за урок не возьмет
Любви ты и счастья кузнец

Вечером, когда гости разошлись в свои опочивальни, а молодая невеста отправилась с фрейлинами в гостевую комнату, король постучался в дверь шута.

– Не спишь, Ардан? – Он вошел, и, устало вздохнув, опустился в широкое кресло у окна.
– Доброго вечера, король, – улыбнулся шут.
– Ты сегодня великолепно играл, – начал Лабрайдан, накручивая на палец золотую цепочку, – скоро свадьба, а я даже не знаю, нужно ли мне это.

– А разве король не знает, что ему нужно? – усмехнулся шут, и в его глазах заплясали бесенята, – королю пора остепениться, и пока он молод сделать все, чтобы появилось как можно больше наследников.

– Этот брак только для того, чтобы не начинать новую битву, Ардан, ты помнишь короля Хергеста, у него на лице написана неуёмная жажда войны!

– А как же Гвендолен? Она любит вас?

– Ардан, – печально усмехнулся король, – по любви женятся только бедняки, знати очень редко доступна такая привилегия. Гвендолен хороша собой, но мое сердце принадлежит совершенно другой.

– Неужели? – улыбнулся шут, – и кто счастливица, пленившая ваше сердце?!

– Не знаю, – Лабрайдан опустил глаза, – стоит ли тебе рассказывать еще одну из моих тайн.

– Это решать вам, король, – шут уселся по-турецки на полу, – в моей голове под колпаком много тайн, поэтому одной больше, одной меньше... и, ко всему прочему, я знаю, что цена им – моя голова.

– И зазвонят бубенчики, – улыбнулся король, вспоминая стишок из далекого детства.

– На моем колпаке...

– Когда мой палач... – продолжил король.

– Отрубят голову этому болтливому шуту, – закончили они вместе и рассмеялись.

– Я слишком много выпил сегодня, – пробормотал Лабрайдан, поднимаясь с кресла, – но имени своей возлюбленной тебе не скажу.

Он повертел указательным пальцем перед носом Ардана:

– Ложись спать, шут. Завтра наступит быстро, а нам покажется, что мы только закрыли глаза. – Король улыбнулся, похлопав шута по плечу и, открыв дверь, вышел на лестницу.

Прошло несколько дней, король часто говорил с шутком о предстоящей свадьбе, ведь Ардан был его единственным бескорыстным другом, почти братом, и Лабрайдан искренне любил его.

Однако, не мог подарить ему свободу, так как не представлял на его месте другого, кому смог доверить свои секреты. Доверить тайны – означало поручить саму жизнь, а у короля она была всего лишь одна.

Ардан немного устал от веселых празднеств в честь будущей свадьбы и, чувствуя, что веки наливаются свинцом, решил отправиться в опочивальню. Захмелевший король махнул ему рукой:

– Ступай, шут, завтра повеселимся на славу!

– Хорошо, король, приятного вам отдыха. – Поклонился Ардан, приложив руку к груди, а Лабрайдан, похлопав в ладоши, приказал музыкантам сыграть новую песню.

Медленно шел Ардан по темному коридору. Свет одинокой свечи освещал его путь, пламя дрожало, бросая на стены причудливые тени. Он вспомнил Гвендолен, ее прекрасную улыбку и чистый взгляд, который мог быть только у невинной и нежной девушки. Его сердце дрогнуло от воспоминаний, и чувства тяжким грузом сдавили душу. Внезапно он услышал голоса, доносившиеся из кабинета хранителя главной печати.

Господин Морк с кем-то спорил, и ему отвечал такой знакомый голос, что сначала Ардан не поверил своим ушам. Остановившись, он почувствовал, как перехватило дыхание

– Гвендолен, вы обязаны это сделать, на кону жизнь наших королевств, и вы не должны позволить страхам разрушить планы короля Уэльса!

Ардан приблизился к двери кабинета и прислушался.

– Хорошо, сэр Морк, но если кто узнает, что короля отравила я?

– Тише, принцесса, все пройдет незаметно. Все решат, что у короля лихорадка. Вот... – в тишине повисла короткая пауза, – достаточно одной капли... вы добавите яд в бокал с вином, перед тем, как лечь на брачное ложе. На столе у Лабрайдана стоит кувшин, куда слуги всегда наливают сладкое вино. Предложите ему испить из кубка, придумайте, что сказать, вы же умная девочка...

– Король без ума от меня, – протянула Гвендолен, и шут, покрывшись испариной, понял, что он так же попал в сети ее чар, – он ни о чем не заподозрит. Однако, мне пора, сэр Морк, Лабрайдан здорово набрался, но может хватиться меня.

Услышав приближающиеся шаги, Ардан быстро направился прочь.

– Черт побери, кто-то был здесь! – воскликнул Морк. Ардан, прибавив шаг, свернул за угол, сердце стучало, как у птицы в силках. Он бегом бросился вверх по лестнице, туда, где находилась его каморка. Шут не слышал за спиной шагов разоблачения, уверенный, что остался не обнаруженным. Вероломство. Гнев закипел в нем, словно масло на жарком огне. Король должен об этом узнать!

– Кто же это мог быть? – Морк с ужасом посмотрел в прекрасное лицо принцессы, ей не было страшно, она улыбалась и, покачивая головой, сказала:

– Я знаю, кто подслушал наш разговор.

Морк непонимающе свел густые брови, тень тревоги пронеслась по его лицу, но Гвендолен успокоила его:

– Это был королевский шут, я слышала звон бубенчиков на его колпаке. Хоть он шел очень тихо – маленькие мерзавцы выдали его!

– Но... он сейчас же обо всем расскажет королю, мисс Гвендолен!

– Нет, – она повертела перед носом главного хранителя печати своим ухоженным пальчиком. – Я сама решу эту проблему, разве вы не заметили, как шут влюблен в меня.

– Влюблен? – Морк не поверил своим ушам, – этот дурак шут?!

– Ну, не такой уж и дурак этот шут, сегодня он не станет говорить с Лабрайданом. Позже я сама поговорю с королем и сделаю все, чтобы он поверил мне, а не своему верному слуге.

Наденет коварство одежды любви,
И в дом твой зайдет не спеша.
Не видишь, что руки все в черной крови,
И проклята ложью душа

Ардан не мог сомкнуть глаз и долго ворочался на кровати. Он не знал, как поступить, ведь король совсем недавно рассказывал, что не испытывает к Гвендолен никаких чувств. Однако, то, что он услышал, заставило поверить в обратное.

Сейчас принцесса уверяла Морка, что Лабрайдан без ума от нее! Что же происходит?

Его мысли прервал стук в дверь, Ардан прислушиваясь, поднялся с постели и тихо приблизился к двери. Открыв замок, он увидел прекрасную Гвендолен и отступил назад.

– Здравствуй, милый шут, – улыбнулась она, – ты сегодня так прекрасно играл на лютне, что мне захотелось послушать еще. – Гвендолен коснулась его лица и увидела, как зарделись щеки шута.

– Я сыграю вам в любое время, мисс Гвендолен, – грустно улыбнулся он, – но сейчас слишком поздно...

– Мне очень хотелось увидеть тебя, Ардан, – Гвендолен смело зашла в комнату и, закрыв дверь, прижалась к ней спиной. – Если бы ты знал, милый шут, если б знал... то понял, как мне трудно бороться.

– Не понимаю вас... – она не дала договорить, закрыв его губы своим поцелуем, который обжег его сердце и разжег из маленькой искорки пожар.

– Подумай, шут, на чьей ты стороне? – улыбнулась Гвендолен, лукаво сверкнув глазами.

Затем, словно кошка, выскользнула за дверь, оставив Ардана со вкусом поцелуя на губах. Он коснулся их пальцами и, яростно отдернув руку, сжал кулаки.

– О, Боже, что она со мной сделала? – налив себе вина, шут осушил кубок одним глотком и, рухнув в кресло, провалился в сон без сновидений.

Утром его разбудили громкий лай гончих псов, и звук рожка. Ардан посмотрел в окно и увидел, как Лабрайдан со свитой отправился в лес на охоту. Шут бросил взгляд на дверь. Вчера вечером к нему вошли его судьба, его смерть и приговор. Он понял, что Гвендолен не просто племянница Уэльского короля. Она обладала могущественными чарами, и знала как покорить сердце любого. Но что задумали вероломная невеста и главный хранитель королевской печати, в чью грязную игру они играют? Зачем принцесса приходила ко мне, думал шут, вспоминая вкус ее губ. Она все так же волновала сердце и при воспоминании о ней, его бросало в жар или холодный пот. «Несмотря ни на что, я должен предупредить короля», – решил Ардан и, ополоснув лицо холодной водой, направился к двери, натягивая шутовской колпак.

Гвендолен сидела с фрейлинами в красиво-украшенном зале дворца, девушки весело щебетали и занимались различными премудростями: одни вышивали на пальцах, другие шили, третьи читали, а остальные весело болтали с будущей королевой Ирландии.

Принцесса подняла очаровательные глаза и ласково улыбнулась шуту.

– Сыграй нам, добрый Ардан.

– Сыграй, шут!

– Ты так красиво поешь! – наперебой зашебетали фрейлины, вторя своей госпоже.

Не смог отказать им шут и, взяв лютню, начал игру. Музыка, словно воды быстрой горной реки струилась сквозь пальцы, а песня рисовала образы в мыслях девушек. Только одна Гвендолен не слушала его пения, она обдумывала, как избавиться от шута, ставшим свидетелем заговора. Сегодня она поговорила с королем и поселила в его искреннем сердце сомнения. А ведь известно, сомнения, как искра от пламени приводят к пожару, если её вовремя не погасить.

Вот и сейчас Гвендолен, нежно улыбаясь, попросила Ардана пойти с ней в сад:

– Здесь так душно, что мне совершенно не хватает воздуха. Идем к озеру, там так красиво, – она поманила его взглядом и, хоть Ардан не желал ее слушать, ноги сами шли за ней. Его пальцы продолжали перебирать струны, и он осознавал, что уже не властен над собой. Околдованный, он последовал за ней к озеру, где должен был проезжать король, возвращаясь с охоты.

Опустившись на траву, Гвендолен распустила длинные волосы и начала их расчесывать костяным гребнем. Шут пел ей самые лучшие песни и не в силах был остановиться. А когда Гвендолен заметила всадников, выезжающих из леса, то дернула на груди узелок шнурка и притянула к себе замороженного Ардана. Покрыв жаркими поцелуями его лицо, она вдохнула в него запретную любовную магию, подчинив разум и сознание шута.

Его охватили страсть и жажда, помутившие рассудок. Ардан склонился над принцессой, лаская ее нежные шею и плечи, не видя, как из леса выехала свита короля.

Крик Лабрайдана разлетелся яростью, и, пришпорив коня, он понесся, словно ветер. Его лицо окрасили гнев и ненависть.

С бешенством он откинул шута в сторону. Крики и плач Гвендолен сбросили чары с Ардана. Она причитала и плакала, закрываясь руками, а он не мог понять, что явилось причиной ее слез.

– Милый Лабрайдан, я поверила вашему шуту. Он так красиво пел и играл на лютне, что я не подумала ни о чем дурном, когда он позвал меня прогуляться к озеру. – Она бросила уничтожающий и в тоже время торжествующий взгляд в сторону Ардана, – а он... Он набросился на меня, как коршун... – Разрыдавшись, Гвендолен кинулась на шею молодому королю, – если вы верите ему, то откуда у него в комнате мой портрет.

Король непонимающе посмотрел на шута, желая услышать объяснения. Ардан никак не мог понять, откуда принцесса узнала о маленьком портрете, хранившемся в его вещах, с тех пор, как он ее впервые увидел и нарисовал ее по памяти.

– Я сразу поняла, что он не просто так играет и поет для меня, Лабрайдан, – Гвендолен склонила свою голову на грудь жениха, – а вчера я услышала, как служанки говорили о том, что Ардан влюблен в будущую королеву и хранит у себя ее портрет.

– Это правда? – король, нахмурившись, взглянул на шута.

Ардан с болью посмотрел в глаза Лабрайдану. Как хитрая ведьма смогла все узнать и помутить мой рассудок своими чарами?

– Это правда, мой король, – ответил шут, не отводя глаз. – Правда в том, что я влюбился в Гвендолен и нарисовал ее портрет, однако, никогда даже в мыслях не позволил бы себе подобное... Даже вы, пару дней назад говорили, что не испытываете к ней чувств...

– Замолчи и не смей обсуждать своего короля, пёс! – вспыхнул Лабрайдан, – не хочу тебя видеть! В темницу его!!!

Сильные руки скрутили шута, выронившего из рук лютню, она упала в траву и вздрогнула порвавшейся струной.

– Мой король, выслушайте меня! – взмолился Ардан.

– Непременно. В день твоей казни! – уронил Лабрайдан и направился к своему коню.

– Лабрайдан, не пейте вино из рук жены, оно отравлено, она... – удар в лицо заставил замолчать Ардана. Небо в его глазах стало багровым, а колпак, слетев с головы, упал в траву. Стражники поволокли бесчувственного шута за собой, оставив у озера лютню с порванной струной и шутовской колпак.

Бубенчик звенит на моем колпаке,
Ты в душу свою загляни.
И слово твое словно шпага в руке
Терновник пробьёт на пути.

Этим же вечером шута казнили, вздернув на виселице, как простолоудина. Король не захотел выслушать его последнее слово. А священник, исповедующий Ардана, не стал портить свадебное веселье. Но, крепко поразмыслив, его преосвященство отправился во дворец, так как был приглашен на торжество и поведал королю о том, что рассказал ему шут.

Король не поверил словам Ардана, но задумался, зачем лгать шуту перед лицом смерти. Гвендолен тоже не могла сделать подобного зла, ведь она невинна, как дитя, рассуждал король. Печаль утраты омрачила его лицо и он задумался.

Когда гости разошлись, и король с молодой королевой остались одни, Гвендолен сбросила с себя свадебный наряд, оставшись в одной тонкой сорочке. Лабрайдан чувствовал себя самым счастливым, и, забыв обо всем, принял из рук своей возлюбленной кубок со смертью. Только он хотел сделать глоток, как услышал голос казненного шута.

– Не пей, король, в кубке яд! – Лабрайдан посмотрел в сторону, откуда доносился голос и увидел шута, стоявшего в темном углу.

На его шее висела веревка висельника, а из глаз текли слезы:

– Почему ты не пришел и не выслушал меня, король? – шептал Ардан, – Гвендолен и Морк – вероломные приспешники Уэльского короля, именно это я хотел тебе сказать, а она... околдовала нас...

Его призрак медленно растаял, а у короля сразу прояснилось в голове. Он взглянул на королеву и, улынувшись, поставил кубок на стол.

– Не сейчас дорогая. – Протянув руки, он привлек ее к себе, – сегодня я уже достаточно выпил.

К сожалению, он не увидел досады на лице Гвендолен и надеялся, что все это похоже на дурной сон. Как только эти мысли снова начали отпускать его, он слышал голос Ардана, повторявшего снова и снова, что вино отравлено, а его жена вероломная колдунья на службе Уэльса.

Дождавшись, пока королева уснет, Лабрайдан тихо встал с постели и на цыпочках направился к выходу, осторожно взяв серебряный кубок с отравленным вином.

Вызвав своего пажа, он приказал немедленно доставить во дворец главного алхимика магистра Кернана.

Не о такой брачной ночи мечтал молодой король и, завернувшись в плащ отороченный мехом, почувствовал дрожь во всем теле. Ему было зябко, хотя на дворе стояла теплая июльская ночь. Дождавшись алхимика, Лабрайдан вручил ему кубок и велел узнать, есть ли яд в вине. Король чувствовал свою вину, понимая, как был предан ему Ардан. Даже после своей смерти, верный шут пришел к нему на помощь. Воспоминание о несправедливом приговоре серпом ударили по сердцу Лабрайдана, слезы застряли комом в горле и, обхватив лицо руками, король сжался от горя и беззвучно заплакал.

Кернан с великим трудом узнал, что за яд был в вине, а так же сообщил о сильнейших чарах, что были наложены на короля.

– Вы должны выпить этот настой, – маг протянул ему чашу с зельем, – и не слова никому, потому что королева очень сильна в колдовстве.

– А что же делать с Арданом, неужели ничего нельзя исправить?

– Увы, что сделано, то сделано, король, – развел руками маг, – не в моей власти вернуть мертвого в мир живых.

Разоблачив лживую королеву и ее пособника Морка, король велел с почестями, достойными рыцаря, похоронить бедного шута. На восходе следующего дня кровь коварных предателей окрасила эшафот в цвет боли и гнева, что огнем пронесли по душе Лабрайдана.

Он долго горевал и на могиле Ардана просил у него прощения. Лишь одинокая лютня с порванной струной и колпак с бубенцами напоминали королю о верном слуге, который ценой своей жизни спас короля Ирландии.

Много лет пролетело с тех пор. Король часто видел своего шута. Он казался ему в толпе прихожан в церкви, на рынке среди толпы. Он проходил мимо торговых рядов и на войне, скакал рядом с ним в седле доброго коня. Лабрайдан часто брал в свои руки лютню Ардана и играл на ней, но больше никогда не слышал той музыки, что струилась из-под пальцев его верного слуги. Бубенчики на колпаке уже больше не звенели, их покрыла плесень, и только память возвращала Лабрайдана в те времена, когда его друг был вместе с ним. Дружба. Только сейчас король понял, что так крепко связало их, и каждый раз ему было стыдно за свой гнев и опрометчивые выводы. Все это погубило Ардана, а вместе с ним умерла какая-то часть Лабрайдана. Он изменился и знал, что никогда ему не стать прежним.

Когда король снова женился, он взял в жены ту девушку, о которой так и не рассказал шуту. Она была дочкой мельника, у нее было доброе сердце и мудрость не по годам. Однажды он поведал Киарнайт о том, что случилось много лет назад, и увидел, как опечалилась его возлюбленная.

– Мне очень не хватает моего шута, – грустно улыбнулся король, и королева сказала, что есть одно средство, только вряд ли они смогут сделать это.

– Твой шут приходил призраком ко мне. Во сне он поведал, если ты отдашь самое дорогое, что у тебя есть на свете, он вернется в мир живых.

– Самое дорогое? – удивился Лабрайдан, – но, что есть самое ценное у меня – моя жизнь, власть или богатства? Нет! – Он с болью посмотрел на нее, – самое дорогое, что есть у меня это ты, любовь моя!

На рассвете нового дня они отправились к озеру. Снег падал крупными хлопьями, засыпая дорогу. Ветер больно хлестал по лицу, неся колючие льдинки. Лошади вставали на дыбы и отказывались двигаться дальше. Лабрайдан спешил и помог Киарнайту опуститься на землю.

Все силы природы воспротивились их решению и, словно не хотели пускать короля с королевой к озеру, которое уже покрылось коркой льда. Белая вьюга танцевала на обледеневшем берегу, королева поцеловала мужа и ступила на хрупкую поверхность. Она шла по тонкому льду в неизвестность. Ей не было страшно. Лабрайдан, чувствовал, что жизнь уходит из него по крупинкам, как песок в песочных часах, и одиночество окутывает его душу.

– Только так ты сможешь отплатить ему за свою жизнь! – крикнула Киарнайт, обернувшись. Лед треснул, и она провалилась в ледяную воду. Лабрайдан не смог выдержать этого и бросился к ней, чувствуя, как лед ломается под ним и студеной водой обжигает холодом. Перед глазами пронеслась вся его жизнь, он чувствовал, как замирает и останавливается сердце, а холод воды, ледяным обручем сковывает тело. Мгла накрыла его своим саваном, и Лабрайдан потерял сознание.

Лишь вера, надежда и только любовь,
Спасет от сомнений тебя.
Смотри! – приподнял шут, смеясь свою бровь,
В танцующих тенях огня.

Короля разбудил знакомый голос, музыка приятно ласкала слух, а дуновение ветра, трепала волосы. Он разомкнул веки и в тумане увидел знакомое лицо. Очнувшись, король понял, что лежит в своей постели, рядом любимая Киарнайт нежно гладит его по волосам.

– Что произошло, любимая? – тихо спросил Лабрайдан, не узнавая своего голоса.

– У тебя случилась лихорадка, и ты несколько недель лежал в постели, как хорошо, что магистр Кернан так быстро вернулся из своей поездки.

– А кто играет на лютне Ардана? – Лабрайдан не мог понять, что происходит.

– Дорогой, как ты мог позабыть, так играть может только один человек, – король приподнялся на подушках и увидел сидящего возле окна шута, тихо напевающего его любимую песню. Ардан нежно касался струн, а лютня пела дрожащим голосом, вспоминая пальцы хозяина.

Лабрайдан не верил своим глазам.

– Ардан? – позвал он.

– Здравствуй мой король, – улыбнулся шут, и бубенчики весело зазвенели на его колпаке, – я рад, что теперь с вами все в порядке.

Лабрайдан не находил слов, чтобы выразить изумление и радость. Ардан продолжил игру, извлекая из лютни волшебные звуки. Его голос, так давно не звучащий во дворце, забытый залами замка, разлился по потолкам и стенам, пробежался по коридорам, заглянул в каждую дверь. Люди слушали и плакали, понимая, что в замок их короля снова вернулись любовь, радость и счастье.

Бубенчик звенит на моем колпаке,

И пальцы касаются струн,
А счастье голубкой воркует в руке,
Ты веришь гадателю рун.

Тебя как раскрытую книгу прочтет,
Советы подарит мудрец,
Но жизнь «золотой» за урок не возьмет
Любви ты и счастья кузнец.

Наденет коварство одежды любви,
И в дом твой зайдет не спеша.
Не видишь, что руки все в черной крови,
И проклята ложью душа.

Бубенчик звенит на моем колпаке,
Ты в душу свою загляни.
И слово твое словно шпага в руке
Терновник пробьёт на пути.

Лишь вера, надежда и только любовь,
Спасет от сомнений тебя.
Смотри! – приподнял шут, смеясь свою бровь,
В танцующих тенях огня.

Золото не мера для счастья

*Однажды богатый и жадный царек
Решил счастье золотом мерить,
Приказ он свой царский сейчас же изрек
О том, что все Золоту верят.*

В стародавние времена, о коих еще не написано в исторических летописях, жил был царь Некрас, прославившийся своими несметными богатствами и огромной сокровищницей.

У него было столько золота, что он мог себе позволить все: любые кушанья и одежды, диковинных животных, прекрасные картины, путешествия в дальние страны. Стены замка охраняли смелые и храбрые воины под предводительством воеводы Светозара. Он был весьма уважаемым и честным человеком. Самое дорогое, что прятал он от глаз царя Некраса – свою жену ненаглядную, красавицу Ярославу. В царстве не было умнее, красивее и благоразумнее ее. Все за что не бралась Ярослава, делалось, в ее руках любая работа спорилась. Бережно храня огонь в семейном очаге, она воспитывала двух мальчиков-близнецов и была доброй и строгой матерью.

Собрал как-то царь Некрас пир на все царство и велел всем подданным приехать во дворец, в палаты белокаменные. Усадил гостей за столы дубовые, угощения приготовил заморские. Хотел царь Некрас выбрать себе жену, но утаил это от всех. Если б знал Светозар, какое темное дело задумал царь, не привез бы во дворец Ярославу.

Ранним утром увидел царь Некрас жену воеводы в своем саду, она разговаривала с птицей, сидевшей у нее на руке и кормила ее хлебом.

Кожа белая, словно утренний снег, румянец, точно гроздь рябины, губы алые, как лепестки роз, а длинная коса ниже пояса, словно из шелковых нитей связана, да толщиной в руку будет. Воспылало алчное сердце государя, и захотел он, чтобы Ярослава стала ему женой.

Зарделись щеки красавицы румянцем возмущения, а так как она была женщиной открытой и смелой, то сказала царю все, что думает по поводу его предложения замужней женщине.

– Я осыплю тебя золотом, – сказал коварный царь и сжал ее в своих объятиях, – забудь Светозара, перед твоими ногами весь мир положу, брошу к ним всё без сожаления!

– Красиво говоришь, царь, – усмехнулась Ярослава, – только любовь не купить за золото.

*Не купишь за золото честь и любовь,
Победу и жизнь не оплатишь.
Не склеишь ты счастье из тысячи слов,
Напрасно свою жизнь потратишь.*

Разгневался Некрас такой дерзости и приказал заточить Ярославу в высокой башне своего дворца. «Ничего», – рассуждал он, посмеиваясь, – «долго она не протянет там, согласится на всё».

Много лет царь не мог найти себе невесты, принцессы соседних государств были слишком капризными, баронессы надменными, графини жадными и все они не отличались ни умом, ни красотой. Ярослава же была такой, о какой мог мечтать каждый.

Придумал царь коварный план, как избавиться от своего воеводы и отправить его в земли дальние на войну с маврами, где сложит Светозар буйну голову, да и снимет оковы брачные с Ярославы, супруги своей.

Весь вечер Светозар искал свою любимую жену и в отчаянии прибежал к царю поделиться своим несчастьем.

– Помоги, царь-батюшка, – взмолился Светозар, – пропала моя лебедушка белая, моя краса ненаглядная, матушка сыновей моих, Ярославушка – жена моя.

– Ну, мой верный Светозар, – начал Некрас, скрестив руки на груди, – ты напрасно привез сюда свою прекрасную жену, слишком она хороша для тебя.

Ничего не понимая, Светозар приблизился к царю, но, тут же, был отброшен назад стражниками.

– Успокойся, воевода, – бросил ему государь, – я принял свое решение, теперь Ярослава будет моей женой.

Сначала гнев окрасил лицо Светозара. Знал, что стоит ему только захотеть, то без меча, голыми руками задушит вероломного царя. Однако, решил не спешить и обдумать, как спасти свою любимую.

– Она согласилась? – насмешливо спросил Светозар, – где же она, если она решила делить с тобой трон и постель?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.